

всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями», стремление «устранить все черты индивидуального характера» героя, освободить «от всего „временного“, всего „частного“ и „случайного“», дать «обобщенное воплощение добра и зла, „злодейства“ или „святости“», держаться «для всех положений» «предустановленной схемы», которая отвечает «тенденции свести к некоему абстрактному „единству“ все многообразие действительности». Такой подход к изображению человека требует наделения героя «празднично-торжественными» эпитетами, подчеркивающими его качества образцового христианина, «умилительной чувствительности» повествования, панегиризма, «цветистой», «патетической фразеологии» восхваления, «нагнетения деталей, подчеркивающих христианские добродетели», трактовки событий как «чудес». ⁷ В. В. Виноградов добавляет к этим признакам агиографического стиля указание на церковнославянский язык как его языковую основу. «Этот стиль целиком базируется на системе церковнославянского языка и вместе с тем связан со строго определенными книжно-славянскими формулами изображения действий и переживаний человека, с церковно-книжными приемами изображения внутренней сущности представителя той или иной религиозно-моральной категории лица, его внешнего облика и всего уклада его поведения. Ярлык — агиографический — слишком общ, но в основном подходящ. Важно лишь изучить вариации и разновидности этого стиля в историческом движении (ср. „словоплетуший“ и „словоплодящий“ стиль книжников конца XIV—XVI вв.)». ⁸

Выявляя своеобразие свойственного агиографическому стилю способа изображения человека, И. П. Еремин, как мы видели, высшей целью агиографа признает стремление «устранить все черты индивидуального характера» героя, освободить его «от всего „временного“, всего „частного“ и „случайного“», дать «обобщенное воплощение добра и зла, „злодейства“ или „святости“», тенденцию «свести к некоему абстрактному единству все многообразие действительности». ⁹ Таким образом, агиограф относился к тем писателям, для которых, по выражению И. П. Еремина, «основным объектом изображения становилась не жизнь, какая она есть, в ее повседневном течении, а порожденные жизнью идеалы». Эти писатели вступали «на путь идеального преобразования жизни», они изображали события как «фон, иногда намеченный в самых общих очертаниях и, так сказать, в уменьшенном масштабе». ¹⁰

В этом определении, на мой взгляд, следует сделать одну поправку: «агиографический идеал» на русскую почву был перенесен в готовом виде через переводную религиозно-дидактическую литературу, житийные образы византийских и восточных подвижников, через восточнохристианский монашеский устав. Он не был «порожден» русской исторической обстановкой: усвоенный ею извне, он лишь корректировался на Руси местными условиями. Литературное выражение этого идеала также приобрело своеобразные черты, отличающие русский агиографический стиль от византийского, как будет показано далее на примере Киево-Печерского патерика.

Определение существенных признаков агиографического стиля, данное И. П. Ереминым, построено на тех образцах житийного жанра, которые могут быть названы «украшенными» («умилительная чувствительность»,

⁷ Там же, стр. 83—85, 92.

⁸ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 117.

⁹ И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 85.

¹⁰ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 78, 79.